

КУЛЬТУРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ГОРОДА ТОЛЬЯТТИ

THE CULTURE OF EVERYDAY LIFE IN THE POST- INDUSTRIAL ENVIRONMENT OF TOGLIATTI CITY

БЫКОВ СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ
BYKOV SERGEY VLADIMIROVICH

доктор психологических наук, профессор кафедры «Живопись и художественное образование» Института изобразительного и декоративно-прикладного искусства, Тольяттинский государственный университет (Тольятти)
doctor of psychological sciences, professor of the department of Painting and art education of Institute of fine and decorative arts, Togliatti State University (Togliatti)

Ключевые слова: социальная психология среды, молодежь, «неформальная» литература, культурная идентичность, искусство, культура, город Тольятти.

Keywords: social psychology of the environment, youth, “informal” literature, art, culture, Togliatti city.

Аннотация. В статье обсуждаются процессы культуры повседневности в городе Тольятти. Констатируются эффекты взаимовлияния культурной идентичности и социальной психологии среды города. Корпоративная культура управленческой элиты является фактором закрытости социальной мобильности для молодежи, что находит выражение в молодой неформальной литературе Тольятти. В новых моделях развития города необходимо учитывать нематериальные стороны человеческой жизнедеятельности.

Annotation. The article discusses the images of the city in the independent young literature of Togliatti. The effects of mutual influence of culture and states of consciousness of various demographic groups of the city are stated. Mass organizational culture of city-forming enterprises, negative informal processes in the urban environment, one-dimensionality of the city's existence, create depressive existential social attitudes of young people. The new models of city development should take into account the intangible aspects of human life.

Город Тольятти стал таковым совсем недавно. Приобретший имя итальянского коммуниста Пальмиро Тольятти в 1964 году, по сути, город начал формироваться в начале 50-х годов XX века. С 1970 года быстро застраивается Автозаводский район. Не вдаваясь в исторический экскурс становления Ставрополя-Тольятти, наше внимание мы сосредоточим на жизнедеятельности нового города-Автограда, который прославил с запуском в эксплуатацию автозавода и

сам город, сделал известным инновационным архитектурным обликом, с конструктивистским началом. Архитекторы воплотили в нем самые современные представления о планировке микрорайонов и улиц, проспектов и скверов, об удобстве квартир, сочетании промышленных зон, жилых массивов и зон рекреации. Три крупных района разделены сосновыми борами, в которых встречаются кленовые, осиновые и березовые рощи. С юга к нему подступает Жигулевское море, а с севера окружили его Сусканские

и Васильевские озера. Между ними привольно раскинулись поля.

Тольятти — нетипичный российский город. По численности населения город значительно больше, чем иные областные центры (707 тысяч человек). Архитектура советского модернизма, демографическая структура, молодежно-ориентированная политика, спорт, предпринимательство и крупный бизнес. Эти и другие позиции были визитной карточкой Автограда. Стартовые «западные» основания ввода АвтоВаза в эксплуатацию по проекту итальянской фирмы «Фиат», задавали вектор и характер его жизнедеятельности и будущего развития и для страны в целом. Долгое время в СССР говорили об опыте автозавода. История возникновения и становления Автограда, имеет свою существенную особенность, в том числе темп и скорость его появления. Тольятти был авангардом новых технологий управления производством. Напрашивается сравнение со строительством Санкт-Петербурга в петровские времена, куда были приглашены иностранцы-специалисты в различных областях знания и практики. Это были мегапроекты государственного значения. Руководители АвтоВаза, проектировщики и строители, автозаводчане хотели не только построить молодой современный город, они хотели, чтобы их дети знали, что такое театр кукол и симфонический оркестр, что такое живопись и скульптура, как звучит рояль и виолончель, о чем могут рассказать танец и песня... Взрослые прекрасно осознавали, что это — будущее города, поэтому уделяли детскому творчеству большое внимание. Выражалось оно не только в создании условий для занятий, но и в поддержке юных дарований. Молодыми талантами земля русская полнится. Сейчас в Тольятти сформировался довольно большой круг творческой интеллигенции. За последнее время население города стало убывать за счет отъезда молодежи (около 30 тысяч). Повсеместно молодые хотят новой жизни. Об этом убедительно пишет Э. Тоффлер в книге «Третья волна», исследуя молодежь мира как носителей утверждения новых технологий в сфере общения и культуры [1]. Попробуем разобраться — является ли этот процесс следствием призыва сестер-героинь пьесы А. П. Чехова «Три сестры»: «В Москву! В Москву! В Москву!» или в новой российской, «капиталистической» реальности, бегство молодых людей стало неизбежным эффектом каких-то других детерминант, обусловленных общими причинами, а также особенностями существования Тольятти. Для многих молодых людей нашего времени трагизм положения чеховских героинь повторяется, они никогда не

выберутся в Москву из своего городка, жизненные обстоятельства сильнее их. Они будут продолжать вращаться в круговороте своих повседневных забот. Москва не «резиновая» и не сможет объективно всех принять. Да и не надо. Нужно по-человечески обустроить свою территорию, делать привлекательным для жизни и самореализации. Молодежные выступления прошли по всей России.

Слава и притягательность завода в эпоху всеобщего, в том числе автомобильного дефицита, сменилась уничижительным отношением к качеству вазовской продукции. Рыночная эпоха резко обнажила те противоречия нашего бытия, которые сформировались в новом, быстро выросшем, большом урбанистическом городе. АвтоВаз и город находятся на грани экономического и социально-психологического банкротства. Управленческая «элита» не представляет — куда двигаться. Для воспроизводства самой себя, механизмы отработаны — власть передается по групповой (партийной) и «классовой» принадлежности, в том числе, по наследству. Уже третье поколение управленцев завода и города «кормится» на этой перспективной территории.

Основной научной парадигмой для нас выступает онтологический подход, который адекватно может быть применен для изучения культурных, в том числе художественных феноменов. На фоне общего требования учета социального контекста в культурологических исследованиях, одной из наиболее существенных характеристик изучения реальности, является идея социальных изменений. Важность учета контекста культуры в социальной ситуации развития определена Л. С. Выготским в его капитальном труде «Психология искусства» [2]. Новизной нашего исследования является попытка проследить формирование новой культурной идентичности города, под влиянием как устоявшихся причин, так и из-за новых, ранее не встречавшихся, факторов. Мы используем в качестве методологического подхода к изучению советской и российской повседневности концепцию Н. Левиной, заключающуюся в рассмотрении культурно-исторических явлений посредством «дихотомии «норма/аномалия», которая не только существует в сфере обыденной жизни, но и применяется как метод построения разнообразных научных конструкторов. В области общественных отношений действуют определяющие пределы и меры допустимого поведения и деятельности людей, а также общественных групп и организаций социальные нормы. Чаще всего они устанавливаются и охраняются государством. Внегосударственные организации также устанавливают определенные внутренние

правила поведения, которые можно назвать нормализующими суждениями, не имеющими юридической силы. Одновременно в любом обществе существуют правила поведения, формально нигде не закреплённые. Это нормы морали, обычаев, традиций. Они связаны с господствующими представлениями о норме и патологии, складываются в результате их многократного повторения, исполняются в силу привычки, ставшей естественной жизненной потребностью человека. Правила такого рода составляют скелет ментальности населения, в свою очередь тесно связанной со стилем его повседневной жизни. В то же время особенности и формы обыденной жизни человека являются выражением присущих ему социально-культурных представлений, восходящих к историческим устоям общества. Таким образом, вопрос о норме и аномалии тесно связан с исторической антропологией. Проведение анализа повседневности в контексте теории девиантности является стремлением к концептуализации проблем советской и российской повседневности» [3, с. 7–8].

В качестве эмпирического материала выступают художественные тексты «неформальной» литературы молодого поколения, что, впрочем, не исключает использование работ классиков. Для нас важен ракурс социально-психологического видения эпохи застоя и больших перемен в городской постиндустриальной культуре и литературе как ее части. Особенностью нашего подхода является обращение к истории становления «культурного слоя» города, посредством воспроизводства механизмов памяти человеческой личности. На современном этапе исследования культурно-исторического процесса являются актуальными, ведь «невзирая на все потрясения, прошлое, настоящее и будущее образуют единый неделимый континуум» [4, с. 27]. Гипотезой исследования является положение, что культура постиндустриального пространства Тольятти — корпоративная, управленческая культура как бывшего, так и нынешнего АвтоВаза и администрации города, сложившаяся как номенклатурно-комсомольская «антикультура», «выдавливает» наиболее талантливую, ищущую лучшей жизни, молодежь. Городу они не нужны.

В повести Ивана Падерина «На Крутояре» (1973) — впервые в советской художественной литературе прозвучала тема строительства Волжского автомобильного завода. Книга во многом проблематична, герои ее, как и их реальные прототипы, еще в поисках разрешения конфликтов. Писатель дает возможность читателю соприкоснуться со своими персонажами в сложных жизненных и производственных

ситуациях, чтобы он мог сам оценить их поступки и помыслы. Повесть отмечена премией на конкурсе произведений, посвященных рабочему классу. Были и критические отзывы в советской прессе. Генералитету завода не понравилось, что автор «вынес сор из избы»: первым в художественной форме поведал о массовом воровстве на заводе и в общежитиях. В школе мы обсуждали это произведение на факультативном уроке литературы. Запомнилось, что мнения в классе разделились: кто-то считал, что это слабое сочинение с большой долей преувеличения проблем, которые поднял автор. Меньшинство понимало, о чем идет речь, но открыто не высказывалось. Завод и город как подросток-хулиган, за которым некогда и некому «присматривать»: быстро учился «плохому» и медленно «хорошему». По-разному писали об этом тольяттинские драматурги: «Тольятти — бурлящий котел с похлебкой, которая еще кипит и булькает, еще варится, а что выйдет в итоге: грустный коктейль или зековская баланда — Бог весть» [5, с. 5]. Лидер литературного объединения тольяттинской драматургии Вадим Леванов, отмечал: «Тольятти — отнюдь не маленький город. Самый настоящий Вавилон! Здесь много интересного происходит» [5, с. 4].

В 2000-е годы, город как многие моногорода России постсоветского периода, находился в оценении. Город, существовавший долгое время как крупный центр производства, разваленного в годы «перестройки», выступил, как сказали бы по определению американского культуролога Белла, в роли «постиндустриального пространства». Срез фрагментов событийности среды города, позволяет посмотреть сквозь призму времени, историю Автограда. Нас интересуют культурологические эффекты, которые произошли за более чем 50-летнюю историю «битвы» за вазовский автомобиль и человека, его создавшего. Из ситуации интенсивной стройки и производства автомобиля, история незаметно «перетекала» в плоскость социальной и поведенческой психологии людей, перемолотых этой грандиозной эпохой, в психологию городской обыденности. Человек ощутил нестабильность окружающего мира, уменьшился его оптимизм и желание смотреть вперед, он испытывает культурологический «шок будущего».

Поговорим о восприятии постсоветской, постиндустриальной реальности глазами и устами независимой, неподцензурной литературы Тольятти 2000-х годов [6]. Мифотворчество местных литераторов отражает раздумья и самочувствие людей города, их настроения, планы на будущее. Сквозными темами и сюжетами поэтики группы авторов объ-

единения «Орфей» (Лада Дождь, Сергей Грудев, Вадим Гнатовский, рук. С. Сумин) были: природа и цивилизация, смерть и бессмертие, существование вещи, пустотность бытия, город, смысл жизни, миф и реальность, прошлое и настоящее, художник и общество, поэзия как маяк. Основная тема прозы и стихов Вадима Гнатовского — существование художника в нынешнем жестоком мире. Персонажи его рассказов мучительно переживают разлад между собой и временем, поэтом и толпой. Творчество Гнатовского полно трагических красок, он без украшений рисует современную ситуацию мира, оставляя читателю надежду лишь по поводу любви и бескорыстного творчества (например, рассказы «Гордость затронули» или «БуратинО»). В поэзии и эссеистике Сергея Сумина философски отстраненно, но при этом пристально, прослеживается конфликт человека-личности, оказавшегося между урбанизированным городом и природой (книга «Письмена листвы», 2020). Поэт говорит метафорически хлестко, размышляя о судьбе завода — «вазовский строй» — «недуг». В его видении, город становится «комнатой смеха, звездными миражами». Душа рабочего человека «просит» свободы и творчества, мира и тепла — «грушинских чистых песен светлый озерный звон». Сквозная мысль поэта, что гармоничное существование человека невозможно без экологии души и тела, разума и чувства. После пожара 2010 года Тольятти потерял четверть леса. Почти не осталось лесных зон для отдыха горожан. Вход в лес ограничен в связи с мерами пожарной безопасности и пандемией коронавируса.

В Тольятти сформировался и быстро стал популярным круг авторов, которые посвятили себя драматургии. Можно говорить о том, что главной движущей силой и вдохновителем тольяттинских драматургов стал Вадим Леванов — автор пьес, выпускник Литературного института. Большинство постановок пьес тольяттинцев можно было увидеть на литературном объединении «Голосова-20»: «Голубой вагон» (В. Дурненков), «Культурный слой» (В. и М. Дурненковы), моноспектакли по пьесам Ю. Клавдиева. Основным лейтмотивом творчества можно назвать противостояние страшного города и одинокого человека. Город Тольятти буквально заставляет авторов искать художественные и жизненные выходы из темного промышленного лабиринта. Общие темы, образы, лейтмотивы — эсхатологизм, экзистенциальная проблематика, тема отчужденности современного человека, жестокость и нежность, норма и ненормальность, тема насилия, город как пространство ужаса и давления, метафизические

проблемы выбора и свободы. Действительно, город в пьесах тольяттинцев воспринимается как «испытание», аллегория стресса и отчужденности, апокалиптики и эсхатологии, вместе с тем город — это живое существо, которое может героя удержать или отпустить. Город — сон, из которого надо вырваться и из которого, одновременно вырваться нельзя. Отдельная тема возникает у Юрия Клавдиева: попытаться преодолеть город можно через насилие (единственная реальная сила в урбанистической среде) либо через мифотворчество, создание легендарных оправданий жизни, изобретение альтернативной метафизики бытия. Думаю, не преувеличением будет сказать, что сейчас те, кого в 2003–2005 годах окрестили «тольяттинским феноменом», во многом формируют лицо современного российского театрального и киноискусства. Одной из первых значимых работ был спектакль Вадима Леванова по пьесе Вячеслава Дурненкова «Голубой вагон» в 2002 году. Затем был «Культурный слой» по пьесе братьев Дурненковых, которых пригласили на фестиваль «Новая драма» (2003), где целый день был посвящен тольяттинской драматургии. Некоторое время спустя, МХТ им. Чехова поставил спектакль «Последний день лета» (по пьесе «Культурный слой»). Планы были грандиозные, и многое нужно было начинать сначала. В Тольятти это все равно, что высаживать новый сад в пустыне.

Город Тольятти создан для автомобиля и автомобилистов. Тольятти — «автомобильная столица России» — прослыл криминальным городом, с одномерной культурой «вазовского» существования. Понятие «вазовский автомобиль» стало нарицательным символом чего-то некачественного и опасного в эксплуатации. В то же время, в 90-е годы двадцатого века вокруг «отгрузки» автомобилей с завода на продажу, здесь разгорелись ожесточенные «криминальные войны», длившиеся десятилетие. Какой город может «похвастаться» тем, что здесь за короткое время убили бывшего мэра, на тот момент действующего ректора университета, бывшего заместителя мэра, несколько банкиров, главу администрации одного из районов и главного архитектора? Погибли известные журналисты-редакторы популярных изданий, вставшие на пути криминала. Сотни людей и их семьи пострадали вследствие «разборок», стали жертвами внезапных исторических перемен. «Воровские сходки» и «бандитские стрелки» стали нормой городской повседневности. Один из бывших мэров получил длительный срок заключения за махинации с землями. «Воевал» не только криминалитет, боролась между собой комсомольская номен-

клатура. Власть находилась под влиянием криминалитета. Жители города попали под страшный пресс новой российской действительности.

Произошла смена восприятия образа города. В городе, где подавляющее большинство жителей — были молодые люди, создали много возможностей для отдыха и развлечений. Карнавальная, по М. М. Бахтину [7], праздничная атмосфера существования города, с ее оптимистичным состоянием духа, соревновательностью в коллективах завода, сменилась на депрессивные, негативные настроения, отразившиеся в менталитете, прежде всего молодых горожан. Мы стали свидетелями амбивалентности истории. У различных групп населения аморфность представлений — в каком городе они живут — проявляется и сегодня. У пенсионеров это «спальный город». У студентов университета, чаще всего встречается такая наиболее желаемая ими характеристика города, как — «европейский город с высокоразвитой инфраструктурой». Ход мысли молодежи понятен, но вот вопрос — отвечает ли он реалиям сегодняшнего и даже завтрашнего дня? Молодое поколение «ищет ответы на непростые вопросы современной философии жизни» [8, с. 203].

Проявляется новая социальная антропология. Известный философ В. В. Налимов, так интерпретирует причины современного культурного кризиса: «наблюдаемые сейчас негативные явления объясняются не тем, что человек не удовлетворяет свои потребности, а тем, что сами эти потребности перестают удовлетворять человека» [9, с. 136]. Мы построили город. И город строит нас. Если в начале 70-х годов огромным благом было получить и жить в благоустроенном жилье, то уже в 90-е годы в окрестностях были заложены несколько поселков частных домов с приусадебными участками. Одноэтажная Америка в Тольятти. Новое качество и стиль жизни. Жители коттеджных поселков, которые разрослись повсюду, с пренебрежением относятся к жителям, проживающим в стандартных кварталах. Но и город «отвечает» загородному «истеблишменту» взаимностью. Жители поселков страдают, не имея возможности выехать из-за дорожных «пробок» в город на работу, по делам через единственное «узкое горлышко» связи с «большой землей» жилых кварталов. Пожарные и скорая помощь не могут проехать туда в пиковые часы. Там живут не люди, а «частники». На современном этапе можно отметить новый поворот в массовом сознании людей. Жизни на показ формировавшегося тогда среднего класса. Приобретая трехэтажные «виллы» в 90-е годы, они демонстрировали свой

престиж, финансовую состоятельность. Теперь не могут продать их за полцены от вложенных средств. «Дворцы», построенные в 90-е годы, сейчас даже идут под снос. Тольяттинский архитектор Александр Колоярский, по проектам которого в Автограде построены дома, гостиницы и храмы, в интервью газете «Понедельник» размышляет о причинах кризиса в градостроительной сфере: «в этих поселках нет много из того, что нужно для нормальной жизни человека: детского сада, школы, поликлиники, универсама, парковых территорий. Ты живешь как бы за городом, но оказываешься в замкнутом мирке. По сути это та же самая квартира, но без инфраструктуры — там даже негде погулять, встретиться, поболтать, пройтись и природы по большому счету нет» [10]. Загородные поселки превратились в «резервации». Многие из тех, кто построил эти дома, сегодня потеряли состояние и не могут больше содержать свои «поместья». Это уже другая социальная психология людей. М. И. Сизова, защитившая диссертацию по теме — «Феномен тольяттинской драматургии», приходит к такому выводу: «Город бедных, город, где остается без применения огромная человеческая энергия. С другой стороны, это общество потребления, сформировавшееся в России на рубеже XX—XXI веков. Новая формация «людей-белых воротничков», менеджеров (менеджеров среднего звена), заикленных на увеличении собственного капитала. Такое осмысление художественного мира порождает особый тип пространства, герои которого находятся в состоянии стресса, отчужденности. Они постоянно и безуспешно пытаются понять, кто они? Что они делают в этом странном и враждебном им мире, готовом их растоптать и поглотить?» [11, с. 37].

Город разделен на три, далеко расположенных друг от друга, жилых района. Жители этих районов составляют отдельные «ментальные» общности, артикулируя разницу между ними. В общем-то, недолюбивая чужаков из других районов. В народе районы города делят на «Новик» (Автозаводский район), «Старик» (Центральный район) и «Камсу» (Комсомольский район). Прозвища говорят сами за себя. Между районами города не было никаких ниточек связей. «Улицы Тольятти, лишены форм досуга, способствующего пребыванию людей на свежем воздухе, создана лишь рациональная и простая среда для передвижения из одного пункта назначения в другой», — констатирует архитектор Д. Б. Веретенников [12, с. 36]. Основное место пребывания и отдыха горожан это общежития, квартиры и торговые центры.

Иосиф Бродский в эссе «Полторы комнаты», вспоминая свое детство и юность, запечатлевшуюся в долговременной эмоциональной памяти, связывает последнюю с психологическими механизмами, порождающими процесс творчества. Память запечатлевает отдельные фрагменты личной истории, «отбирает» детали. Именно по этой причине воспоминания будоражат воображение, вдохновляют и требуют продолжения. Точность в деталях воспроизведения на экране или в тексте, позволяет зрителю и читателю безоговорочно верить в придуманную историю. Искусство завладевает «ищущей правды» личностью, взрезает пласты воспоминаний. А как быть с памятью поколений? Память обрастает легендами, сказками, тостами и анекдотами, образуя культурную идентичность местности, мифологическое сознание народа. Оноре де Бальзак был точен в деталях в описании язв общества «урбанического» Парижа времен барона Османа, поставив в центр внимания социально-психологические проблемы города, который становился культурной столицей мира [13]. Французский писатель Ги-Эрнест Дебор приходит к пониманию того, что «экология человека» — это «комплекс проблем поведения человека и коллектива в его социальном пространстве — напрямую соприкасается с проблемами психогеографии» [14, с. 99]. Формулируемый им новый метод изучения города («дрейф»), основанный на игровой трактовке проблем современного урбанизма, призван преобразовывать человеческую среду. Восприятие комфортности среды является результирующей частью оценки социального самочувствия жителя такого крупного сообщества как Париж с пригородами. Привыкание к пространству наступает в тот момент, когда становится ясно, что оно конечно, и ничто нельзя повторить, изменить. В каменных «джунглях» полноценно жить невозможно.

В наши дни стало очевидно, что и нынешний мир таким уже не будет. Произошел новый взрыв изменений. Обостряется противоречие между социумом и личностью, персоной. Основной нерв этого столкновения — этическое и эстетическое пространство человека-личности, социальными и правовыми нормами общества потребления и всеобщего маркетинга. Страх запускает множество социальных фобий и синдромов. Отсутствие работы, особенно для молодежи, «неуставные» отношения между работодателем и персоналом в частном и государственном секторе экономики, неправомерное финансовое обеспечение труда — «черные» и «серые» схемы оплаты, без записи в трудовой книжке (значит, без пенсии), «выжимание пота» из населения за счет

увеличения всяческой рабочей нагрузки, травля работников руководством как средство избавиться от неугодных — вот характерные, психологические приметы времени.

Поразмыслим над этой актуальной, «опасной» темой, опираясь на труды классиков истории и философии культуры. Какие ключевые факторы они выделяли при анализе реалий и последствий жизнедеятельности своего общества в определенном времени и пространстве. Дискуссии по этому вопросу разгорелись в период перехода «советского времени» в постсоветскую, постиндустриальную эпоху, в которой мы живем и сейчас. На страницах научного издания с характерным названием «Красная книга культуры» Ю. И. Суровцев заметил, что «суть же дела в том, чтобы правильно представлять себе нынешнюю культурную ситуацию именно в массах населения и роль художественной культуры в дальнейшем развитии масс» [15, с. 81].

Предтечей теории «массовой культуры» в философско-эстетической литературе считается испанский мыслитель Хосе Ортега-и-Гассет, автор знаменитых эссе «Дегуманизация искусства» и «Восстание масс» [16]. Он говорит, что социальное разделение дифференцировало народ в структуре общества. Трудящихся он называет биомассой, которая, в его понимании, становится фактором общественного «никакого», «безкачественного». Подобное видение состояния эпохи было характерно и для европейской модернистской литературы. Роман австрийского писателя Р. Музиля так и назван — «Человек без свойств». Культуролог Ж. Бодрийяр идет дальше, описывая явление народной массы как «призрак толпы» [17].

Историческое время «сжимается», однако, в Россию подобные процессы пришли с пятидесятилетним опозданием, что, впрочем, не умаляет достоинств «ортега-и-гассетовского» философского предвидения. В девяностые и нулевые годы Россию захлестнули массовидные процессы в культуре. Явление массового сознания раздробилось на групповое сознание различных социально-профессиональных слоев населения, разделивших общество. Личностные нормы растворились на сломе исторических эпох, исчезла традиционная советская этика мышления и как следствие, социально-психологические установки и стереотипы поведения. Социум «принял» нормы жесткого, прагматичного поведения. Начала кардинально меняться система ценностей. В свое время И. Бродский с горечью писал, что: «Эта страна, с ее великолепно гибким языком, способным выразить тончайшие нюансы в человеческой пси-

хологии, с ее невероятной нравственной чуткостью (положительный результат трагической истории), обладает всем необходимым, чтобы стать культурным, духовным раем, подлинным оплотом цивилизации. Вместо этого она превратилась в сероватый ад, с занюханной материалистической догмой и с патетическими порывами к потребительству» [18, с. 332–333].

Сформулируем вопрос: почему за пятьдесят лет истории (в 2020 году АвтоВаз отметил пятидесятилетие) в организационной культуре АвтоВаз сложилась две системы: одна формальная — выраженная в официальном штатном расписании и взаимоотношениях различных структур, вторая — неформальная, складывающаяся из интересов отдельных людей и групп, которые зачастую совсем не совпадают, противоречат или даже враждебны предприятию в целом? Причем сама управленческая машина развивалась и порождала альтернативные формы независимо от действующих лиц «вазовской» драмы. Теперь о неформальных факторах знают и говорят открыто. Стихийно возникающие групповые нормы поведения в коллективе складываются в некую нормативную систему. Эта система норм и правил вполне терпимо и даже одобрительно относится к негативным действиям в коллективе. Исследования показывают, что в бригадах, где доминирует мягкая оценка правонарушений, уровень хищений самый высокий [19]. Считается, что таким образом компенсируется недостаточно высокий уровень заработной платы. Завод воспринимается человеком как враждебный монстр. Неформальные образцы взаимодействия становятся источником внутреннего скрытого напряжения, а дряхлеющая официальная система со временем становится все менее эффективной. Причем методы ужесточения не приводят к положительным результатам. Неформальные взаимоотношения в любых условиях находят себе ниши для установления своих принципов. Печальный опыт этих лет показал, что отдельные группировки организованной преступности вполне могут проникнуть на рабочие места и влиять на производственный процесс. Социальная структура автозавода образует своеобразные страты: высший менеджмент предприятия — наполовину иностранцы, у линейных управленцев (мастера, начальники цехов) выявлены различия в представлениях о ценностях культуры и миссии завода, по сравнению с рабочей массой. Если у мастеров превалирует «органический» тип организационной культуры, с его идеей принадлежности фирме, то в рабочих группах преобладает «бюрократический» тип — бессло-

весные «винтики» производства, без выраженного чувства сопричастности.

За годы постсоветского периода, кроме жилищного домостроения, развернутого бизнесом, государством ничего не построено. А то, что возведено в советские времена, не поддерживалось на должном уровне и постепенно пришло в упадок. В Тольятти есть образцы высокохудожественных произведений-скульптур, которые стали символом города. Это, например, серия скульптур «Из истории транспорта» (1978), выполненная художником А. Васнецовым и его же произведение — мозаика кинотеатра «Сатурн». Воздушный шар, паровоз и пароход явились стержневой основой композиции бульвара, в сочетании с зеленью деревьев и партера они образуют сложную ажурную пластику. «При всей простоте “придумка” Васнецова настолько остроумна и уместна, что пришлась по вкусу многотысячному городскому зрителю, взрослым и детям», — отметила искусствовед С. Б. Базаянц [20, с. 144]. Сейчас этот памятник пришел в плачевное состояние, приобретая «функцию» общественного туалета.

Теперь градостроительный «замысел» поселений в части расположения арт-объектов современного искусства, далек от советской системы, включавшей планирование в бюджете города появления памятников при проектировании архитектурной среды. Тольятти медленно просыпается. Для уникального по своему замыслу Тольятти, актуальная проблема перезагрузки идеи возрождения города, смыслов и пределов его развития. Получается так, что возведение храмов, стало тем отправным пунктом, с которого началось новое движение в развитии общественной архитектуры города. Свидетельство тому — строительство Спасо-Преображенского собора и здания Поволжского православного института им. Святителя Алексия, которые возведены силами автозавода.

Скульптура «Паровоз» из серии «Из истории транспорта»

Спасо-Преображенский собор

Поволжский православный институт им. Святителя Алексия

«Слишком много грехов у бывшего руководства завода — надо отмаливать» — так говорит об этих событиях народная молва. Тольяттинский народ, за отсутствием разнообразия культурных объектов в городе, стал активно посещать церкви и храмы. Для этой цели построена Церковь Михаила Архангела на границе городского и заводского пространства.

Архитектурные памятники, произведения культуры и искусства взаимодействуют с сознанием людей, получая обратный отклик восприятия и социально-психологического отношения у жителей города.

Подведем итоги наших рассуждений.

1. Город сформировал высокие деловые и карьерные ожидания молодежи, большая часть которой, не реализовав их в действительности, ушла в уличный торговый бизнес или покинула город.

Церковь Михаила Архангела

2. Согласования интересов организационной культуры рабочей массы, попавшей в культуру потребления, с корпоративной культурой административных органов — от завода до муниципалитетов, не состоялось. Они пошли в разные стороны — «кто как выживет». Деление на бед-

ных и богатых только усиливается. Лумпенизация города сопровождается стремлением бизнес-элиты стать «новыми дворянами».

3. Управление городом и регионом в целом затруднено в связи с аморфным состоянием культуры и психологии «безмолвного большинства» населения, почти половина которого, приближается к пенсионному возрасту.

4. Нет основной консолидирующей идеи, способной сформировать новые стратегические цели ценности роста города, а не политику «выживания» — «после меня, хоть потоп». Деловая элита и интеллигенция города (преподаватели вузов, деятели культуры и искусства) не смогли взять на себя социальную ответственность за будущее города.

5. Город Тольятти (не областной центр), с еще функционирующим заводом, с 700-тысячным населением, имеет право стать поселением со статусом федерального значения, достойным иметь средства на развитие, а не быть местом экспериментов и «проходным двором».

6. Состояние воздуха в городе может квалифицироваться как экологическая катастрофа. В 2018 году уровень онкологических заболеваний здесь был на 20% выше, чем в среднем по всей России.

Мы попытались на основе художественных образов представить социально-психологическую историю города — ее плоть и кровь, как живую систему «организма» социума. Констатируем, что, на фоне проблем становления своего «счастливого детства и юности», кризис «среднего возраста» переживается городом Тольятти, особенно тяжело. Результатом турбулентности постиндустриальной социально-экономической реальности, стала сложившаяся

«одномерность» социальной психологии социума. На сломе эпохи «репрессивного либерализма» [21], город с огромным социально-экономическим потенциалом и «одномерный человек» в нем, оказались психологически не готовыми к изменениям, социальным экспериментам, плоды которых мы до сих пор пожинаем. Тольятти некогда позиционировал себя как место первопроходцев — «пассионариев», приехавших создавать город «будущего». Текучесть кадров в советское время и сменяемость работников тольяттинских производств в «российские времена» так и не позволили решить проблему укорененности жизни в городе. Территорию, хаотично организованную как «рабочий поселок», практически невозможно, «превратить» как декларируется, в «наукograd» или «зону опережающего развития». Молодое поколение горожан под прессом «инновационных изменений и модернизаций», корпоративной морали правящей элиты, попало в «плен» противоречивого жизненного — профессионального и экзистенциального выбора. «Безмолвное большинство» со страхом наблюдает.

Список литературы:

1. Тоффлер Э. Третья волна / Э. Тоффлер. — М.: ООО «Издательство АСТ», 1999. — 784 с.
2. Выготский Л. С. Психология искусства. Анализ эстетической реакции / Л. С. Выготский. — М.: Издательство АСТ, 2018. — 416 с.
3. Лебина Н. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю / Н. Лебина. — М.: Новое литературное обозрение, 2015. — 488 с.: ил. (Серия «Культура повседневности»).
4. Хобсбаум Э. Разломанное время. Культура и общество в двадцатом веке / Э. Хобсбаум; пер. с англ. Н. Охотина. — М.: Издательство АСТ: CORPUS, 2017. — 384 с.
5. Антология независимой литературы Тольятти / Сост. С. Сумин. — Тольятти: Изд-во «Полиар», 2015. — 370 с.
6. Литературный альманах «Графит». № 18. — Тольятти: Изд-во «Полиар», 2020. — 155 с.
7. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин. — М.: Художественная литература, 1990. — 545 с.
8. Быков С. В. «Чувство Родины» — открытый урок на художественных выставках или философия жизни в живописи / С. В. Быков // Педагогика искусства. — № 4. 2020. С. 196–204.
9. Налимов В. В. В поисках иных смыслов. 2-е изд. / В. В. Налимов. — СПб.—М.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. — 464 с.
10. «Понедельник» (14.07.2020).
11. Сизова М. И. Феномен драматургии города Тольятти / М. И. Сизова // Театр. Живопись. Кино. Музыка. Ежеквартальный альманах. № 1. — М.: ГИТИС, 2012. С. 30–46.
12. Веретенников Д. Б. Развитие пешеходных зон, как основа реновации центральных территорий Тольятти / Д. Б. Веретенников // American scientific journal. № 31. — Издательство: Global Science Center LP (Прага), 2019. — С. 36–44.
13. Мильчина В. Париж в 1814–1848 годах: повседневная жизнь / В. А. Мильчина. 2-е изд. — М.: Новое литературное обозрение, 2017. — 944 с.: ил. (Серия «Культура повседневности»).
14. Дебор Г.-Э. Психогеография / Ги Дебор. — М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. — 112 с.
15. Суровцев Ю. И. Культура contra «массовая культура» / Ю. И. Суровцев // Красная книга культуры. — М.: Искусство, 1989. — С. 81–95.
16. Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства. Эстетика. Философия культуры / Х. Ортега-и-Гассет. — М.: Искусство, 1991. — 592 с.
17. Бодрийяр Ж. Призрак толпы / Ж. Бодрийяр, К. Ясперс. — М.: Алгоритм, 2018. — 304 с.
18. Бродский И. А. Форма времени: Стихотворения, эссе, пьесы. В 2 т. / И. А. Бродский // Сост. В. И. Уфлянд. — Мн.: Эриан, 1992. Т. 2. — 480 с.
19. Быков С. В. Социальная психология нормативного поведения в организации / С. В. Быков. — Самара: Самар. гуманит. акад., 2008. — 116 с.
20. Базазьянц С. Б. Художник, пространство, среда / С. Б. Базазьянц. — М.: Советский художник, 1983. — 240 с.
21. Гилен П. Бормотание художественного множества. Глобальное искусство, политика и постфордизм / П. Гилен. — М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. — 288 с.

